

Глава 8.4

Я потянулся к кулону, который всегда носил на шее, и уставился на то, что должно было быть символом моего клана. Мне всегда было интересно, есть ли в этом кулоне что-то необычное, о чем я не знаю, но пока что я не обнаружил в нем ничего примечательного.

Насколько мне известно, это обычный кулон с символом клана, из которого я происхожу.

— Ты всегда берешь с собой этот кулон куда бы ты ни пошел. Кто тебе его подарил?

— Моя мать. Я вроде как просто взял его у нее перед тем, как покинуть свою деревню и встретить тебя. Видишь здесь символ? — я указал пальцем на символ, похожий на снежинку, выгравированный на кулоне. — По словам моего отца, это символ клана Юки.

— Ты знаешь... — мои мысли были прерваны, когда Ханаби заговорила. — Иногда мне кажется, что я знаю тебя очень хорошо, но бывают моменты, когда мне кажется, что я тебя совсем не знаю. — Ханаби прошептала, ее глаза оставались закрытыми, а голова лежала на моем плече.

— Люди называют меня человеком-загадкой. — ответил я с сарказмом. — А что еще ты хочешь знать обо мне? Ты, наверное, единственный человек во всей деревне, который знает меня лучше всех.

Ханаби молчала некоторое время, прежде чем заговорить.

— Твое прошлое. Ты никогда много не рассказывал о своем прошлом, особенно о своем отце. Я мало что знаю о тебе до того, как встретила тебя.

Мой разум временно вернулся к моей матери. С каждым днем ее образ становился все более размытым в моем сознании, поскольку у меня не было ее фотографии или рисунка, чтобы напомнить себе, как она выглядела. Единственное, что напоминает мне о ней - это ее кулон... кулон, который привел к той трагедии. Я не хочу думать о той кровавой ситуации. Я не хочу думать о своем отце.

Мне больно думать о том, что он сделал. И о хорошем, и о плохом. Как он заботился обо мне и маме и как пытался убить нас. До сих пор я не могу понять, что произошло.

Я не понимал этого пока Обито-сенсей не провел несколько персональных тренировок с каждым из нас по отдельности. Во время одной из индивидуальных тренировок он заметил, что я не использую "Ледяное освобождение", даже когда против меня выступает кто-то, кто намного выше меня по уровню, предпочитая вместо этого использовать свои водные дзюцу. Он назвал меня глупым за то, что я не использую свой кеккей генкай, с чем я согласился.

Однако у моего поступка есть веская причина. В основном это связано с тем, как мне удалось

призвать силу льда.

Еще до того, как я попал в Коноху, я узнал, что мне нужно вспомнить как я пробудил свой кеккей-генкай, когда захочу его использовать. Помните, как я пробудил его? Это было после пережитого предательства, печали, вины, ярости и целого списка других негативных эмоций, которые я не буду описывать.

Это не очень приятный опыт. Я догадался, что со временем научился подсознательно воздерживаться от обращения к силе, которую я имею над льдом, и обращаться к ней только тогда, когда она мне действительно нужна. Я не проверял свою психику у Яманака, но, вероятно, это механизм самозащиты, который мой разум создал, чтобы защитить меня от дальнейших психических травм.

Оглядываясь назад, можно сказать, что это еще одна причина, по которой я обычно бросаюсь в тренировки, даже не осознавая этого. Это хороший способ не думать слишком много о своем прошлом. Это помогает отвлечься от мыслей о том роковом дне.

Постоянная болтовня и приставания Ханаби - еще один способ отвлечься, и она всегда здесь, со мной. Я рад, что она поддерживала меня так долго, даже если я никогда не говорил ей, как я благодарен ей за то, что она была моим самым близким другом в этой деревне.

— Все... все в порядке, если ты не хочешь об этом говорить! — Ханаби быстро встала и дико замахала руками, когда я слишком долго размышлял над ее словами. — Я знаю, что это, вероятно, неудобная тема для тебя, и я не хочу заставлять тебя или что-то в этом роде! Просто... — Ханаби путалась в словах, пытаясь донести свою мысль не обидев меня, к моему тайному удовольствию. Ханаби, когда она волнуется - очень забавно выглядит. — Если... если есть кто-то, с кем ты хочешь поговорить о своем отце... эм... это я? — она поморщилась, когда сказала об этом, ее голос становился все мягче и мягче к концу.

— Причина, по которой я не говорю о своем прошлом, особенно о своем отце, в том, что он совершил нечто непростительное. Мое прошлое полно темных пятен, Ханаби. Оно пропитано кровью. Мнение людей обо мне изменится, если они узнают об этом. Я могу делать вид, что меня не волнует мнение других, но мне не все равно до определенной степени. Невозможно полностью игнорировать мнение других людей, особенно когда ты начал заботиться о них. Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе об этом, когда буду готов. — сказал я, возвращаясь взглядом к маленьким деревьям, которые слегка покачивались от дуновения ветерка. — Может быть.

Ханаби села обратно рядом со мной, лениво перебирая пальцами прядь своих волос - признак ее нервозности.

— Я в порядке, правда. Не стоит переживать за поднятую тему.

В этот момент мимо проходил паренек Хьюга, примерно нашего с Ханаби возраста. Он один из тех снобов и заносчивых засранцев из главного дома, и он использовал любую возможность,

чтобы подколоть меня, поскольку я не из клана.

— Опять флиртуешь с Ханаби, ледяной мальчик? Я все еще не понимаю, что Хиаши-сама видит в тебе. Все чего ты стоишь, это быть надоедливой пиявкой для нашего клана.

— И вам доброго утра, Йошида-сан. — я ответил нейтрально. Нет смысла вступать в разговор с таким человеком как он. Все что мне нужно сделать, это проигнорировать его в стиле Какаши, и он скоро отправится в путь.

О Йошиде нет ничего примечательного кроме того, что его отец, Хьюга Кида, также был кандидатом на пост главы клана наряду с Хиаши. Я слышал, что когда Хиаши впервые подтвердил свое право на пост главы клана, произошли неприятные события, но никто об этом не говорил. Я знаю только, что Хьюга Кида был не очень доволен таким раскладом".

— Отвали, Йошида. — ядовито сказала Ханаби. — Ты нарушаешь здесь покой.

Ханаби действительно не подает виду. Йошида - тот, кто каким-то образом успешно занес себя в список противных людей для Ханаби, и она не боится ему об этом сказать прямо в лоб.

— Однажды, Ханаби, ты поймешь, что я прав, а ты ошибаешься. Такого чужака, как он никогда не примут ни в клане, ни в деревне. Никто здесь не доверяет ему.

— Убирайся.

Что же такого сделал Йошида, чтобы заслужить такое обращение со стороны Ханаби?

Йошида ушел от нас без особого шума. Как только он скрылся из виду, я легонько толкнул Ханаби локтем.

— Что он сделал, чтобы заслужить твой гнев?

— Он придурок, вот что. Он традиционалист, как и его отец, из тех, кто ожидает, что женщина будет выполнять все, что говорит мужчина, и что мужчина должен все делать сам. — Ханаби нахмурилась. — Он никогда не признавал ни одну из женщин в нашем клане по их усилиям, даже когда я могла легко победить его своими навыками. Он даже имел наглость попросить своего отца пойти к Отоу-сама, чтобы попросить моей руки. Вот что он тогда сказал: "потому что в ее жилах течет сильная кровь Хьюги, и она произведет сильных наследников для Йошиды". — Ханаби сказала насмешливым голосом. — Ха! Как будто я когда-нибудь добровольно пойду к этому уроду! Я скорее покончу с ним сама, чем позволю ему приблизиться ко мне, не говоря уже о том, чтобы позволить ему прикасаться ко мне или даже рожать его детей. Отвратительно.